

КАК МОЛИТВА ДОХОДИТ ДО БОГА?

Ответы на вопросы открытых встреч

— Когда бежишь за трамваем, а он вот-вот двери закроет, бежишь и всем нутром желаешь, чтобы он дождался тебя, в этот момент молишься не «Отче наш», а просто напрягаешь все внутри себя, чтобы повлиять на то, на что физически ты уже не властен повлиять. Ты бежишь во весь опор, и зависит от тебя, успеешь ты или нет. Вернее — от того маленького бога, который внутри тебя, от маленькой части Бога, которая может тебе помочь, когда ты обращаешься к ней. В психологии ее называют установкой на успех: если ты веришь, что все получится — то оно получится! — закон психологии. «Если ты думаешь, что ты сможешь — ты сможешь. Если ты думаешь, что у тебя не получится — ты прав». Я считаю, что это и есть тот Бог, о котором говорил Иисус, поэтому Он мог гулять по воде. А когда целая церковь народа стоит на коленях и молится, в этот момент эти маленькие частички Бога, заключенные в каждом, начинают работать вместе. Сила — когда мы вместе. Зачем верить? Чтобы закрепить в себе «установку на успех», правильно?

Свящ. Георгий Кочетков: Трудно отвечать на подобные вопросы, поскольку это как две разные планеты — вера, Бог, Церковь с одной стороны, а с другой стороны — психология, которая поддерживает самовнушение: «Человек — по природе бог, который должен только мобилизовать свои силы, сконцентрироваться, поверить в себя, как на спортивной площадке, и тогда победа ему будет обеспечена». Не то что совсем нет никакой правды в психологии. Конечно, в человеке есть внутренние силы, силы душевные, имеет смысл и концентрация, и вера в себя, в свой успех. Все это может способствовать хорошим результатам, особенно когда человек, например, занимается тем же спортом, игрой. Но игра хороша для маленьких детей, когда они развивают свои способности, которые им дала природа, родители, общество, предки, космос и т.д. А вера в Бога — не игра. Для нас вера в Бога — это жизнь в любви, которая нами ощущается как драгоценнейший, важнейший дар. Это молитва, обращение к Источнику любви для того, чтобы быть с Ним в общении, чтобы набраться духовных сил и служить собою Богу и ближним. Поэтому, хотя небольшая доля правды есть в том образе, который запечатлен в вопросе, вся правда — не в этом. Вся правда — в воле Божьей, которая открывает нам то, чего человек по природе не знает и знать не может. Бог открывает нам Свою правду, даёт чувство справедливости и верный путь, который выводит нашу жизнь за рамки обыденности. Пусть же каждый человек познает этот путь, пусть каждый человек обрадуется не тому, что ему дано лишь природой, но тому, что способно даровать ему вечную Жизнь.

— Почему если говорить о Боге, не цитируя Библию, а рассуждая — то это уже преступление? Ведь за это Толстой от церкви отсекли.

О. Георгий: На мой взгляд, это скороспелое суждение. Толстой отлучили не за то, что он рассуждал о Боге. За это его можно только возблагодарить, потому что он был великим человеком. Его отлучили, а вернее было бы сказать — осудили его взгляды — за неудачи в этих рассуждениях. Там, где он был более дерзновенным, более свободным, более глубоким в своих рассуждениях о Боге, в них была большая доля правды. В его сомнениях было живое движение его души, и он часто находил верные ответы на вопросы. Но иногда, увы, сбивался. Он слишком поверил в себя, в свой природный разум. Он слишком недооценил силы благодати, силы откровения. Он слишком недооценил Христа, он в Нём видел лишь учителя нравственности — одного наряду со многими. А в этом есть большая неправда, недостаток подлинной правды. В этом-то вся и беда. Так что рассуждайте, но делайте это глубоко, искренне, целостно. И чтобы проверить себя — не сбился ли вы с истинного пути — относитесь внимательно к свидетельствам древних, к свидетельствам отцов, и, прежде всего, к самим источникам: к слову Христа, и апостолов, и пророков.

— Допустим, 1000 человек чего-то очень-очень хотят и молятся. Как молитва доходит до Бога? Как Он принимает решение, кому помочь, а кому — нет?

О. Георгий: Не понимаю, в чём проблема. Пусть молится тысяча человек или миллион, или миллиард. Разве для Бога, который есть Дух, трудно воспринимать, видеть всех сразу, причём не только в их словесных молитвах, но только через внешние формы выражения, но через состояние сердца? Знаете, когда поёт хороший хор, а им руководит хороший дирижёр или регент, он слышит каждый голос, особенно если тот начинает петь не так или не то. Это дис-

Молитва перед обедом.
Жан Батист Симеон Шарден. 1744 г.

сонирует, это нарушает гармонию, это нарушает строй, лад, порядок внутренней жизни, это разрушает некое внутреннее единство, да и внешнее тоже. Поэтому не удивительно, что каждый такой руководитель, дирижёр, даже если соберётся 1000 человек, услышит фальшь и сразу покажет, что нужно поправить, исправить свою ошибку. Бог всегда слышит всех людей и судит нелицемерно, не по тому, кто имеет какую власть на земле или какой сан. Часто Бог лучше слышит тех, кто ближе к Нему. А это нередко люди бедные, простые, это часто люди без претензий, не отягощённые гордыней, а тем более злобой и иными тяжкими грехами. К сожалению, в наше время простые люди часто соревнуются с непростыми именно в грехе. Но раньше не было так. И надо надеяться, что люди начнут соревноваться в исполнении Божьей воли, Божьей правды, начнут соревноваться в том, кто быстрее достигнет той полноты жизни, которую предлагает нам Христос и Его Церковь.

— Я не хочу слушаться Бога, не могу принять послушание. Я могу согласиться слушать и слышать, но слушаться — ни за что! Может быть, потому что мой отец никогда мне не указывал, что делать, и слушаться не приходилось. Приходилось только слушать и вести себя соответственно. А Вы слушаетесь Бога-Отца?

О. Георгий: Конечно. Всякий благоразумный человек старается слушаться своего Отца. Но обратите внимание, в Вашем вопросе есть противоречие. То, что Вы называете «слушать» и «слышать», и есть на церковном языке послушание, а то, что Вы называете послушанием, я бы назвал, скорее, слепым подчинением. Богу не нужно слепого подчинения. Это рабское чувство, хотя, к слову сказать, иногда даже любовь раба лучше ненависти друга. Святые отцы говорили, что у людей есть три стадии любви — раба, наёмника и сына. Любовь раба — это любовь человека, который исполняет требования отца из страха. Наёмник исполняет их за награду, за мзду, за плату. Сын же исполняет волю отца, следует за ним только по любви. В любви нужно возрастать. Имейте любовь в себе, слушайте своего Отца — лучше всего как чада Божии, как сыновья и дочери Его; если не можете так, то как наёмники; если не можете даже как наёмники — то как рабы. Но знайте, это ещё будет не совершенная любовь. Стремитесь к совершенству.

— Как можно стараться не огорчить Бога? Можно привести реальный пример из жизни?

О. Георгий: Конечно, можно и нужно стараться не огорчать Бога. И хотя слово «огорчение» скорее из психологического, душевного ряда и не очень подходит к Богу, но всё-таки нам легко себе представить, что человек, который нас любит, которого мы любим или стараемся любить, может быть огорчён нами, если мы предадим любовь, если мы предадим дове-

рие, если мы сегодня готовы общаться с ним, а завтра говорим: «Нет, нам это не нужно, у нас много дел», «у меня есть жена, дети, у меня есть работа, у меня есть личные интересы, у меня есть желание отдохнуть, и поэтому я общаться с тобой пока не буду». Так бывает, когда мы отказываемся от молитвы или от внутренней потребности поступать по совести. И тогда мы чувствуем опустошение, потому что, повернувшись к Богу спиной, мы оказываемся без общения с Ним. Тем самым мы огорчаем Бога, Он не может вступить с нами в общение, потому что не может насильно нашу свободу. Это самое главное: Бог уважает нас и нашу свободу, потому что Он нас любит. Но если мы поступаем в противоречии со своим призыванием, против этой любви, то мы остаёмся без Бога, мы Его огорчаем.

— Когда люди писали в Библии, что мира не было и его сотворил Бог, они могли иметь в виду только светлый мир земной, а не галактики и звезды. Я не представляю, что ничего не было. На мой взгляд, весь этот космический хлам (звезды, планеты, кометы, вирусы) с его пульсацией, схлопыванием и распылением — были, есть и будут, как и Бог.

О. Георгий: Странное желание поставить себя выше Бога, странное желание представить себе то, что в принципе непредставимо. Думаю, что следует об этом подумать, следует внимательнее прочесть библейский рассказ о сотворении мира. Он не рассчитан на то, чтобы что-то себе представлять, он рассчитан на то, чтобы проникнуть в тайну — в тайну великого плодородия божественной любви, когда Бог создаёт, творит иное, чем Он Сам, — мир творный — только потому, что Он есть Любовь, только потому, что в Нём есть творческое начало и Он Сам — Творец. Проникнитесь этой тайной, тогда Вы увидите, что и в мире, в космосе есть не один хлам, и что в Вашей жизни не всё так плохо, как, может быть, Вам сейчас кажется.

— Почему не работает закон справедливости и богатые нагие «уроды» не мучаются, не страдают, не умирают — потому что внутри у них все в порядке с личной совестью? Значит, нельзя говорить, что совесть — голос Божий в человеке?

О. Георгий: Странно, Вы описываете ситуацию бесовскости и говорите, что в ней с совестью «всё в порядке». Я думаю, что это вывод с недостаточным основанием. К тому же имейте в виду, что люди бесовские тоже мучаются, они несут в себе наказание за свою бесовскость, они несут в себе наказание за неудачу своей жизни. Часто такие люди погибают, болеют, пребывают в страшном унынии. Даже гордыня первым плодом своим имеет уныние. От чего, как кажется, человек уходит, к тому же он и приходит. Так что будьте внимательнее к жизни и её урокам, будьте внимательнее к людям, относитесь к ним с большей любовью, если хотите, с жалостью — даже к грешникам, даже к богатым, даже к тем, кого Вы сейчас, как Вам может показаться, не имеете оснований любить. Но без этой любви Вы не познаете жизни, Вы сами окажетесь среди тех, кого Вы, хоть и в кавычках, слава Богу, но всё-таки называли уродами.

— Если жить по совести, религия не нужна. Живя по совести, ты будешь счастливым. А в нашем православии быть счастливым как-то нехорошо — страдать ведь надо. Почему?

О. Георгий: Вы очень хорошо сказали, что если жить по совести во всём, то религия не нужна. Правда, Вы немного поспешили сделать из этого вывод о том, что сразу будешь счастливым. Смотря в каком смысле. Если счастье понимать как безмятежность, как примирённость с Богом, как внутренний источник любви, радости, мира, то Вы будете правы. Но если счастье понимать (а мне кажется, Вы понимаете именно так) как некое благополучие в жизни, беспрепятственность в исполнении своих намерений, то, уверяю Вас, такого счастья Вы на земле не обретёте, особенно если будете жить по совести, если будете не столько религиозным, сколько верующим человеком — благодатным, исполненным любви, свободы, истины и духа. Посмотрите, не случилось ли здесь с Вами некоего внутреннего сбоя. И если да, то исправьте свою ошибку. Ведь жизнь по совести в мире, который лежит во зле, всегда приводит человека к страданию. На христианском языке это называется — крест. Да, надо отвернуться себя, как сказал Христос, и взять на себя свой крест и следовать за Ним. Вот это самое главное, хотя и самое трудное, в христианстве. И не следует упрекать за это ни православие, ни христианство в целом, ни Самого Христа.

ВСЕХ ЛИ ПРОЩАТЬ?

Фрагменты из третьего тома книги Александра Солженицына
«Архипелаг ГУЛАГ»

Сгоня Пятьдесят Восьмую в Особые лагерь, Сталин почти забавлялся своей силой. И без того они содержались у него как нельзя надёжней, — а он сам себя вздумал пережить — еще лучше сделать. Он думал — так будет страшней. А вышло наоборот.

Вся система подавления, разработанная при нём, была основана на разведении недовольных; на том, чтоб они не взглянули друг другу в глаза, не сосчитались — сколько их; на том, чтобы внушить всем, и самим недовольным, что никаких недовольных нет, что есть только отдельные злобствующие обречённые одиночки с пустотой в душе.

Фото с сайта: musatych.livejournal.com

Мраморное ущелье. Сталинский лагерь

Но в Особых лагерях недовольные встречались многотысячными массами. И сосчитались. И разобрались, что в душе у них отнюдь не пустота, а высшие представления о жизни; чем у тюремщиков; чем у их предателей; чем у теоретиков, объясняющих, почему им надо гнить в лагере.

Сперва такая новизна Особлага почти никому не была заметна. Внешне тянулось так, будто это продолжение ИТЛ. Только быстро скинули блатные, столпы лагерного режима и начальства. Но как будто жестокость надзирателей и увеличенная площадь БУРа восполняли эту потерю.

Однако вот что: скинули блатные — в лагере не стало воровства. В тумбочке оказалось можно оставить пайку. На ночь ботинки можно не класть под голову, можно бросить их на пол — и утром они будут там. Можно кисет с табаком оставить на ночь в тумбочке, не терять его ночь в кармане под боком.

Кажется, это мелочи? Нет, огромно! Не стало воровства — и люди без подозрения и с симпатией посмотрели на своих соседей. Слушайте, ребята, а может мы правда того... политические?..

А если политические — так можно немного повольней и говорить — между двумя вагонками и у бригадного костра. Ну, оглянуться, конечно, кто тут рядом. Да в конце концов чёрт с ним, пусть наматывают, четвертая уже есть, куда еще мотать?

Начинает отмирать и вся прежняя лагерная психология: умри ты сегодня, а я завтра; всё равно никогда справедливости не добьёшься; так было, так будет... А почему — не добьёшься?... А почему — «будет»?..

Начинаются в бригаде тихие разговоры не о пайке совсем, не о каше, а о таких делах, что и на воле не услышишь — и всё вольней! и всё вольней! и всё вольней! — и бригадир вдруг теряет ощущение всезачемности своего кулака. У одних бригадиров кулак совсем перестает подниматься, у других — реже, легче. Бригадир и сам, не возвышаясь, присаживается послушать, потополковать. И бригадники начинают смотреть на него как на товарища — тоже ведь наш.

Бригадир приходит в ППЧ, в бухгалтерию, и по десяткам мелких вопросов — кому срезать, не срезать пайку, кого куда отчислить — придурки тоже воспринимают от них этот новый воздух, это облачко серьезности, ответственности, нового какого-то смысла.

И придуркам, пока еще далеко не всем, это передается. Они ехали сюда с таким жадным желанием захватить посты, и вот захватили их, и отчего бы им не жить так же хорошо, как в ИТЛ: запереться в кабинке, жа-

рить картошку с салом, жить между собой, отделиться от работяг? Нет! Оказывается, не это главное. Как, а что же главное?... Становится неприличным хвастать кровопийством, как было в ИТЛ, хвастать тем, что живёшь за счёт других. И придурки находят себе друзей среди работяг и, расставив на земле свои новенькие телогрейки рядом с их чумазины, охотно пролеживают с ними воскресенья в беседах.

И главное деление людей оказывается не такое грубое, как было в ИТЛ: придурки — работяги, бытовики — Пятьдесят Восьмая, а сложней и интересней гораздо: землячества,

религиозные группы, люди бывалые, люди учёные.

Начальство еще нескорее-нескорее что-то поймёт и заметит. А нарядчики уже не носят дрынов и даже не рычат, как раньше. Они дружески обращаются к бригадирам: на развод, мол, пора, Комов. (Не то, чтоб душу нарядчиков пропало, а — что-то беспокоящее в воздухе новое.)

Но всё это медленно. Месяцы, месяцы и месяцы уходят на эти перемены. Эти перемены медленнее сезонных. Они затрагивают не всех бригадиров, не всех придурков — лишь тех, у кого под спудом и пеллом сохранились остатки совести и братства. А кому нравится остаться сволочью — вполне успешно остаётся ею. Настоящего сдвига сознания — сдвига трясением, сдвига героического — еще нет. И по-прежнему лагерь пребывает лагерем, и мы угнетены и беспомощны, и разве то остаётся нам, что лезть вон туда под проволоку и бежать в степь, а нас бы поливали автоматами и травили собаками.

Смелая мысль, отчаянная мысль, мыслеступень: а как сделать, чтоб не мы от них бежали, а они бы побежали от нас?

Довольно только задать этот вопрос, скольким-то людям задуматься и задать, скольким-то выслушать — и окончилась в лагере эпоха побегов. И началась — эпоха мятежей.

(глава «Каторга»)

Как только ни изогнётся единый человек за жизнь! И каким новым для себя и для других! И одного из этих — совсем разных — мы по приказу, по закону, по порыву, по ослеплению готовно и радостно побиваем камнями.

Но если камень — вываливается из твоей руки?... Но если сам окажешься в глубокой беде — и возникает в тебе новый взгляд. На вину. На виновного. На него и на себя.

В толщине этой книги уже много было высказано прощений. И раздражают мне удивленно и негодуя: где же предел? Не всех же прощать!

А я — и не всех. Я только — павших. Пока возвышается идол на командной своей высоте и с властной укладкой лба бесчужденно и самодовольно коверкает наши жизни — дайте мне камень потяжелее! а ну, перевахит бревно вдесятером да шибанём-ка его!

Но как только он сверзился, упал, и от земного удара первая бороздка сознания прошла по его лицу — ответите ваши камни!

Он сам возвращается в человечество.

Не лишите его этого божественного пути.

(глава «Ссылка»)

ОН — ОДИН ИЗ БЛАГОРОДНЕЙШИХ ЛЮДЕЙ РОССИИ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ

Интервью со свящ. Иоанном Приваловым

— Отец Иоанн, Вы читали едва ли не все произведения Солженицына, в Вашей судьбе, в обретении Вами пути к Богу и в Церкви он сыграл огромную роль. Как Вы думаете, кем был для России Александр Исаевич Солженицын?

О. Иоанн: Последним великим русским писателем, достойно завершающим традицию великой русской литературы, которая была у нас в XIX веке. Он сильное продолжение Толстого и Достоевского, продолжение и завершение.

— Как Вы считаете, что наиболее ценно в его наследии для нас, живущих сейчас?

О. Иоанн: Думаю, художественное творчество, которое остается многими непрочитанным. Особенно те вещи, которые он сам для себя обозначал как приоритетные: роман о революции «Красное колесо» и «Архипелаг ГУЛАГ». Потому что «Архипелаг ГУЛАГ» — это на сегодняшний день единственный памятник советской эпохи. И если нам захочется снова потосковать по советскому времени, надо просто открыть «Архипелаг ГУЛАГ», чтобы с его страниц на нас повеяло ужасом, который тогда был.

Сейчас уже очень многое сделано, чтобы уничтожить память о том времени, но «Архипелаг ГУЛАГ» дает возможность погрузиться в него. Он интересно построен, можно понять как происходило схождение в ад (этому посвящен 1 том), как шла жизнь на дне (2 том) и каким было восхождение (3 том), когда пружина пошла в обратную сторону и все придавленное советской властью, наконец, стало распрямляться. Везде, в том числе и в лагерях. «Архипелаг ГУЛАГ» фиксирует то, что Хрущев стал открывать ворота лагерей не по доброй воле, а потому что в лагерях уже начались освободительные движения — революции, бунты, восстания. Это было еще перед смертью Сталина.

«Архипелаг» дает нам не только память о подавлении всего живого, что мы знали и помнили, он возвращает опыт сопротивления этому, о чем очень мало говорят. Может быть, потому что дальше первого тома, как правило, люди его не читали.

— У меня такое впечатление, что Солженицына сейчас в России мало читают. Как Вы думаете, почему так происходит?

О. Иоанн: Сейчас вообще мало читают. Но все же за последние 10 лет ситуация сильно изменилась. В 90-е годы его действительно не читали, но каждый почему-то считал возможным высказываться о нем соответственно тому образу, который сложился внутри человека, как будто он уже прочитал всего Солженицына, все его тридцать томов. Но сейчас люди берут книги Солженицына и читают и «Архипелаг ГУЛАГ», кто-то уже прочитал «Красное колесо». Так что у меня впечатление прямо противоположное.

— Отец Иоанн, а какое произведение Солженицына произвело на Вас наибольшее впечатление?

О. Иоанн: Из художественных произведений я больше всего люблю «В круге первом». Он мне напоминает роман, в котором есть перекичка и с Толстым, и с Достоевским. Еще мне очень нравятся его автобиографические произведения: «Бодалас теленок с дубом», «Угодило зернышко промеж двух жерновов». Из рассказов я больше выделяю не «Ивана Денисовича» и даже не «Матрону», а «Случай на станции Кочетовка». Мне нравятся «Крохотки». Они имели для меня особое жизненное значение, я многому научился через эти книги.

— Как сохранить то ценное, что есть в его произведениях?

О. Иоанн: Думаю, только одним образом — просто брать и читать, потому что он — писатель, и все самое главное сказал в книгах. Это возможно, только вступая с ним в диалог посредством книги. Он остается непрочитанным автором. Его начали читать в последние 10 лет с большим вниманием, но все-таки в основном прочитаны только ранние произведения.

Я убежден, что Солженицын очень сильно обогнал время и, конечно, он изменил всех нас. М. Пруст говорил, что «квартиры Бетховена в течение 50 лет рождали и растили публику, достойную квартир Бетховена». Так же, я думаю, мы еще только догоняем Солженицына, его прозрения, его явление.

Он, прежде всего, писатель, но говорить о влиянии его художественного творчества мне труднее всего. Оно, может быть, самое непредсказуемое. В своих публицистических работах он, конечно, ясновидец. Он много предвидел, предсказал. Помню, как в 98-м году появилась его работа «Россия в обвале». И в июле 98-го года газеты с издевкой писали о том, что «этот сказочник» что-то нам наплел про какой-то обвал. Но прошло и месяца, как произошел дефолт, про который все до сих пор вспоминают. Историческое ясновидение, несомненно, у него присутствует.

— Отец Иоанн, а Вы были знакомы с ним лично?

О. Иоанн: У нас было краткое, очень небольшое знакомство. Александр Исаевич знал про наше движение, передавал поклон о Георгию. Он удивлялся, что такие люди есть, что возможно делать вещи, которые делают наше движение.

— Расскажите о личности Солженицына, о его человеческих качествах.

О. Иоанн: Думаю, что он — один из благороднейших людей России последнего столетия. Никто не сделал для России в это время так много, как он, если брать персоналии. И при этом остался в тени! Фактически он собрал память о ГУЛАГе и на основании 200 с лишним свидетельств написал книгу. Оказавшись в эмиграции, он обратился к людям с призывом присылать его воспоминания. Представьте себе, человек, приехавший с оккупированной советской властью территории, обращается к ним, говоря, что если воспоминания не написаны, то надо их написать. Фактически он дал смысл многим людям, которые доживали свой век. Он создал Библиотеку-фонд «Русское зарубежье», в которой находится, насколько мне известно, более 1000 рукописей. Его фонд единственный, кто поддерживал пенсионеров ГУЛАГа, ведь этого никто в нашей стране не делал. Многие из того, что делалось Солженицыным и его близкими, остается в тени. Они это делали скромно.

— Отец Иоанн, как Вы думаете, какие качества помогли Александру Исаевичу делать то, что он делал?

О. Иоанн: Благодарство, любовь к России. И сострадание. Когда он пережил раковую болезнь и понял, что ему дана вторая жизнь, он почувствовал себя человеком, который должен заступиться за униженную и поруганную Россию. Его жизнь — во многом жизнь рыцаря. Если посмотреть «Бодалас теленок с дубом», это видно. В каком-то смысле, «Бодалас теленок с дубом» — рыцарский роман. Это великое сострадание и благородство — не шадить себя ради других.

Вопросы задавала Анна Алиева
Информационная служба СФИ